

ОКСЁНОВ
Борис Сергеевич

МОЯ ЖИЗНЬ

(с освещением некоторых сторон жизни общества)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЖИЗНИ

8 марта 1927 г. – родился в Томске в семье врача.

IX. 1934 г. – поступил в школу (во 2-й класс начальной шк. № 29).

1943 г. – после 9 классов прошёл летом подготовительные курсы при ТЭМИИТе (ин-те инженеров железнодорожного транспорта) и поступил на энергетический факультет этого вуза.

15 июня 1945 г. – арестован органами НКГБ во время весенней сессии на 2-м курсе.

6. X. 1945 г. – осуждён военным трибуналом ЗапСибВО (вместе со своим старшим братом Александром и другими) по ст. 58-10, ч. 2. (пропаганда и агитация против Советской власти) на 7 лет ИТЛ и поражение в правах на 5 лет.

X. 1945 г. – первый этап (в Асино) и кратковременное пребывание в местном лагере.

XI. 1945 г. – 22-дневный этап в «телячьем» вагоне в строгорегимную колонию № 9 на стройке «500» – железной дороге Комсомольск – Ванино (Нижне-Амурлаг). Общие работы на этой стройке (балластировка пути, бетонные работы).

Большая часть 1946 г. и до V. 1947 г. – работа банщиком (заготовка дров) и селектористом в больнице «Соллу» этой же стройки.

V. 1947 г. – VIII. 1951 г. – приход в медицину и работа медбратом в различных отделениях больниц – «Соллу», «Дземги», «Акур» и на «пересылке» в порту Ванино этой же стройки в системе Нижне-Амурского, а затем Северо-Восточного ИТЛ.

26. VIII. 1951 г. – освобождение из заключения без права выезда и без паспорта, и последующие 3 недели бездомной жизни.

IX – X. 1951 г. – этапирование в «столыпинских» вагонах через Хабаровскую, Иркутскую и Красноярскую тюрьмы и прибытие к месту бессрочной ссылки в Енисейский леспромхоз Красноярского края (пос. Окунёво-Осыпь).

X. 1951 г. – II. III. 1952 г. – рабочий Енисейского леспромхоза (на лесоповале).

II. III. 1952 г. – 18. VIII. 1954 г. – зав. фельдшерско-акушерским пунктом Окунёво, затем Зырянки Енисейского района Красноярского края.

VIII. 1954 г. – 12. VI. 1956 г. – фельдшер «скорой помощи» Енисейской райбольницы (работа без врача).

IX. 1955 г. – VI. 1956 г. – окончил 10-й класс Школы рабочей молодёжи и получил аттестат зрелости.

10. IV. 1956 г. – освобождён из ссылки.

VI. 1956 г. – возвратился в Томск, в отчий дом.

IX. 1956 г. – сдал вступительные экзамены в Томский медицинский институт на 19 баллов из 20 возможных и стал его студентом.

VI. 1962 г. – окончил с отличием лечебный факультет ТМИ.

VIII. 1962 г. – IX. 1964 г. – ординатор кафедры дерматовенерологии.

29. VI. 1963 г. – снятие судимости. В 1963 году умер отец.

X. 1964 г. – 1967 г. – аспирант этой же кафедры.

С 9. IX. 1967 г. – по настоящее время – ассистент.

С 20. III. 1968 г. – кандидат медицинских наук.

В 1974 г. женился на ассистентке кафедры факультетской терапии Остапченко Людмиле.

В 1976 г. умерла мать.

В 1991 г. умерла жена.

IV. 1992 г. – реабилитирован.

В III. 1994 г. женился на враче Кустовой Г. С.

За время работы на кафедре опубликованы ориентировочно 60 моих статей. Четыре раза прошёл усовершенствование на ФПК в Москве, Ленинграде и Куйбышеве, а также по микологии в Ленинграде.

ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ СЕМЬИ И ДЕДАХ

I. ОКСЁНОВ Сергей Степанович – мой отец.

Родился в 1880 г. (17 ноября) в с. Гурьевском (ныне Кемеровской области) в семье горного уставщика (нормировщика) Гурьевского завода.

Окончил Томскую гимназию в 1889 г. Высшее медицинское образование получил в Императорском Томском университете, который окончил в 1904 г. со званием лекаря с отличием.

Учёным Советом медицинского факультета выбран на должность ординатора кожно-венерологической клиники с июня 1904 г.

26 января 1905 мобилизован в качестве врача на Русско-Японскую войну. Работал в военном госпитале до 30 июня 1906 г.

После демобилизации вновь работал в клинике – до октября 1908 г., а затем до июля 1914 г. заведовал кожно-венерологическим отделением Томской губернской больницы. Одновременно преподавал кожные и венерические болезни в фельдшерско-акушерской школе.

В августе 1914 г. мобилизован на Русско-Германскую войну и отправлен на фронт в качестве врача.

По демобилизации продолжал врачебную работу в больнице, а далее в госпиталях и эвакогоспиталях №№ 12, 9 и 25.

22 декабря 1922 г. демобилизован и 1 октября (?) 1922 г. поступил врачом-дерматовенерологом в Центральную амбулаторию Томской железной дороги. Одновременно (до 1925 г.) был врачом Томской губернской партшколы. На железной дороге проработал до 6 августа 1941 г. – всего 19 лет.

С 25 августа 1941 г. до пенсии работал врачом-дерматовенерологом Центральной поликлиники Томского горздрава, причём до июня 1944 г. на полной ставке, а далее на полставки, получая 402 руб. 50 коп. Это произошло после тяжелейшего сыпного тифа, заражение которым случилось в командировке от горздрава для осмотра высланных калмыков, которые были буквально «обсыпаны» вшами. Выздоровление наступило в результате хорошего лечения и ухода в больнице Сибирцева, но с громадной потерей здоровья и сил, так что уже не было возможности работать на полную ставку.

Помимо лечебной работы нёс и профилактическую. В 1918 г. по приглашению Исполнительного комитета Томского совета Рабочих и Солдатских депутатов участвовал в комиссиях по борьбе с проституцией. В течение ряда лет по заданию горздрава нёс профилактическую работу на ТЭМЗе и электроламповом заводе по борьбе с заразными и гнойничковыми болезнями, проводил лекции и беседы со студентами ТЭМИИТа, в госпиталях с красноармейцами.

Кроме того, Сергей Степанович никогда не отказывал в помощи больным, принимая их у себя дома или посещая их по месту жительства. В этой «частной» практике пациентами его были не только кожные и венерические больные, но и страдающие внутренними, детскими, инфекционными заболеваниями. Он пользовался широкой популярностью у томичей.

За долговременную и безупречную работу Президиумом Верховного Совета СССР от 14 апреля 1951 г. удостоен высокой награды – Ордена Ленина.

Общий врачебный стаж – 51 год.

Умер 4 сентября 1963 г. в возрасте 82 лет.

Женитьба – 24 сентября 1921 г.

Жених, 41 года, – Оксёнов Сергей Степанович, православного вероисповедания, врач военного госпиталя, первый брак. Поручитель – Борис Яковлевич Печёркин.

Невеста, 25 лет, – Вдовина Зинаида Васильевна, студентка Томского университета, православного исповедания. Поручитель – Михаил Максимович Гусельников.

Д И П Л О М

Предъявитель сего СЕРГЕЙ СТЕФАНОВИЧ ОКСЁНОВ, сын чиновника, вероисповедания православного, по весьма удовлетворительном выдержании в Императорском Томском университете в 1900 и 1901 гг. полукурсового испытания и по зачёте определённого уставом числа полугодий на медицинском факультете Томского университета, подвергся испытанию в Медицинской Испытательной Комиссии при Томском университете в апреле и мае месяцах 1904 года, причём оказал следующие успехи:

по описательной анатомии – весьма удовлетворительные,
по гистологии – удовлетворительные,

по патологической анатомии и патологической гистологии – удовлетворительные,
по оперативной хирургии и топографической анатомии – удовлетворительные,
по физиологии – весьма удовлетворительные,
по общей патологии – весьма удовлетворительные,
по фармакологии с рецептурой и учением о минеральных водах – весьма удовлетворительные,
по фармации с фармакогнозией – весьма удовлетворительные,
по частной патологии с терапией – весьма удовлетворительные,
по учению о нервных и душевных болезнях – весьма удовлетворительные,
по учению о кожных и сифилитических болезнях – весьма удовлетворительные,
по учению о детских болезнях – весьма удовлетворительные,
по терапевтической клинике – удовлетворительные,
по клинике нервных, детских и кожных болезней – весьма удовлетворительные,
по хирургической патологии со включением десмургии и учения о вывихах и переломах – удовлетворительные,
по офтальмологии – весьма удовлетворительные,
по акушерству с учением о женских болезнях – весьма удовлетворительные,
по хирургической клинике – весьма удовлетворительные,
по офтальмологической и гинекологической клинике – удовлетворительные,
по гигиене и медицинской полиции – удовлетворительные,
по судебной медицине и токсикологии – весьма удовлетворительные,
по учению об эпизоотических болезнях и ветеринарной полиции – весьма удовлетворительные.

По сему, и на основании Высочайше утверждённого мнения Государственного Совета 5 ноября 1885 года, г. Оксёнов удостоен 24 мая 1904 года степени лекаря с отличием, со всеми правами и преимуществами, поименованными как в означенном Высочайше утверждённом мнении Государственноого Совета, так и в ст. 92 Устава университетов 1884 года. В удостоверении сего и дан сей диплом г. Оксёнову, за

Привожу полностью текст «Обещания», которому присягал каждый выпускник медицинского факультета, ибо оно представляет интерес как документ тогдашних времён и по существу.

II. ОКСЁНОВА Зинаида Васильевна – моя мать. Родилась под Барнаулом в 1896 году, т. е. тоже коренная сибирячка. По окончании гимназии она переехала в Томск и два года проучилась на медицинском факультете, но после выхода замуж и рождения двух сыновей вынуждена была оставить учёбу и посвятила себя воспитанию сыновей и устройству быта семьи. (Подробнее о матери см. в разделе «Наша семья».)

III. РОДИТЕЛИ моей МАТЕРИ: отец – Вдовин Василий Николаевич, помощник управляющего Барнаульским имением; мать – Вдовина Анна Петровна.

Из воспоминаний матери об отчем доме запомнилось то, что их дом стоял где-то на отшибе, а покупать лес к отцу крестьяне приходили подчас очень рано, как только рассветает, т. е. летом в 5 часов, а то и раньше, так как часов у них не было, и они ориентировались исключительно по солнцу. Отец при этом, естественно, ругался. Крестьяне могли заказать разное количество леса для каждой семьи, но деньги сваливали в одну кучу – вот такие были бестолочи. Конечно же, отец возмущался, вываливал им деньги назад и требовал, чтобы они сами разобрались и отдельно подали деньги за Ивана и за Петра.

Ещё вспоминала мать забавный случай, когда вечером они услышали чьи-то шаги на чердаке и вся семья не спала ночь, отец приготовил оружие, но один лезть на чердак ночью не решился. Как только стало светать и крестьяне пошли на поля, он попросил их проверить чердак. Они вооружились вилами и топорами и полезли на чердак. Каково же было изумление, когда виновником паники был всего навсего кот.

Ещё мать вспоминала, что отец её любил играть в карты и нередко проигрывал. Тогда жена ругалась и почему-то говорила: «Продулся, как швед под Полтавой, чисто Мазепа», на что он реагировал так:

*«Деньги – дело наживное, о них нечего тужить,
Вот любовь – совсем другое, ею надо дорожить...»*

IV. РОДИТЕЛИ моего ОТЦА:

отец – Оксёнов Степан Александрович.

Из ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА О СЛУЖБЕ

Исправляющего должность

Столоначальника

Томского Губернского Правления

Канцелярского служителя

Степана Александровича

ОКСЁНОВА

за 1895 г.

Сын горного урядника.

Жалованье в год –

172 рубля,

столовых – 114 руб.

Окончил полный курс наук Барнаульского окружного горного училища и его практических отделений.

По экзамену 1863 г. и по распоряжению Алтайского горного правления выпущен на службу из второго практического отделения кандидатом по горной части с определением на службу в Салаирский рудник – 1863 г. августа 16.

По распоряжению управляющего Салаирским краем определён к исправлению должности **установщика** по чугуноплавильному и чугунолитейному производствам Гурьевского завода – 7 сентября 1866 г.

Всемиловитейше награждён серебряною медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие» для ношения на шее – 16 апреля 1872 г.

По распоряжению Кабинета Его Императорского Величества командирован на уральские заводы для усовершенствования в познаниях железного производства и бухгалтерии – 11 февраля 1877 г.

Всемиловитейше награждён полугодовым окладом жалованья – 150 рублей – 27 августа 1879 г.

По распоряжению начальника Алтайского горного округа, согласно прошения, уволен от службы – 12 августа 1882 г.

По постановлению исправляющего должность Томского Губернатора, состоявшемуся 17 ноября 1886 г. , согласно прошения, определён в штат Томского Губернского Правления к занятиям по Губернской Типографии в качестве корректора. – 18 ноября 1886 г.

По постановлению Губернского Правления, состоявшемуся 1 августа 1890 г., определён исправляющим должность **столоначальника** того же Правления 3-го стола 1-го отделения. – 1 августа 1890 г.

По журналам Томского Губернского правления, состоявшимся 28 августа и 21 октября 1892 г. №№ 1818 и 2150, возложено управление Первым столом 1-го отделения того же Правления – 21 октября 1892 г.

Мать моего отца – дочь урядника Меркульева Елизавета Ивановна.

Дети деда и бабушки по линии отца (дяди и тётя):

Наталья, родившаяся 15 августа 1873 г.

Александр, 13 августа 1876 г.

Сергей, 17 ноября 1880 г. – мой отец.

Владимир, 4 июня 1884 г.

.....

ОКСЁНОВ Александр Сергеевич – мой старший брат:

Родился в г. Томске в семье врача – ОКСЁНОВА Сергея Степановича, закончившего медицинский факультет Императорского Томского университета ещё в 1904 году.

Окончил с отличием Томский медицинский институт в 1944 г. и был оставлен в аспирантуре при кафедре патологической анатомии. На всём протяжении обучения в институте, а ещё более после его окончания, проявлял большую склонность к глубокому изучению предмета и научным исследованиям.

Однако ему не пришлось долго работать на кафедре. 17 мая 1945 г. он был арестован органами УКГБ. 15 июня был арестован и я, его младший брат Борис (тогда мне только исполнилось 18 лет и я обучался на втором курсе электротехнического факультета ТЭМИИТа, в настоящее время – ассистент, заведую клиникой кожных болезней нашего медицинского университета). 5 октября 1945 г. закрытым заседанием военного трибунала Западно-Сибирского военного округа (хотя

военными мы никогда не были) мы были осуждены по ст. 58-10 часть II УК РСФСР (пропаганда и агитация против Советской власти): я на 7 лет, а Александр на 10 лет лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях с последующим поражением в правах на 5 лет.

Надо сказать, что руководство кафедры патологической анатомии в лице профессора Виктора Павловича Миролубова и доцента Иннокентия Васильевича Торопцева проявило большую смелость, представив органам КГБ по своей инициативе «Справку», где мой брат характеризовался с самой лучшей стороны (этот документ прилагается). Однако эта рискованная попытка заступничества не возымела действия и сразу была отвергнута.

Мы с братом были этапированы вместе с другими заключёнными на Дальний Восток, на строительство железной дороги «Комсомольск на/Амуре – бухта Ванино», где и отбывали весь срок. Как и все узники лагерей, мы испытали на себе и голод, и тяжёлый физический труд, и нары, и проживание в одном бараке с отпетыми уголовниками, и этапы в товарных и «столыпинских» вагонах. Конечно, мы бы погибли, если бы брату не удалось устроиться врачом в лагерную больницу, а потом и мне в качестве медбрата. Александр работал как терапевт и патологоанатом, я – в разных отделениях больницы. Счастье наше было в том, что почти всё время удавалось быть вместе, хотя в любой момент нас могли разлучить... Александру я обязан жизнью, так как на «общих» работах люди истощались от тяжёлого труда и плохого питания, получали цынгу (начальные стадии её и куриной слепоты были у меня) и алиментарную дистрофию, а затем умирали.

Александр, увлекавшийся наукой, языками (английским, немецким, французским, эсперанто), музыкой, высоко ценил и всегда с теплотой и уважением вспоминал годы учёбы в институте и на кафедре, где жил той высокой интеллектуальной обстановкой, которая формировала его в детстве, студенчестве и аспирантуре. Поэтому он тяжело переживал не только материальные лишения, но особенно духовный гнёт лагерей. К тому же мы получали сведения от освободившихся из лагерей бывших политзаключённых, что преследования их и после отбытия срока не кончаются: практически все они направлялись в пожизненную ссылку (не предусмотренную приговором) в глухие северные места Сибири на лесоповал и другие физические работы. Эта безотрадность будущего угнетала брата, и он однажды пытался по-

кончить жизнь самоубийством, приняв большую дозу люминала. Мне удалось тогда его спасти с помощью промывания желудка и девяти ампул стрихнина (антидота). Но в августе 1951 года я закончил срок заключения, и меня этапом направили в Енисейский район Красноярского края, где я попал на работу в леспромхоз, живя с такими же «спецпереселенцами» в бараке. Видимо, лишившись моральной поддержки и зная мою постлагерную судьбу, он через несколько месяцев после моего вынужденного отъезда перестал мне писать. В ответ на мои запросы один из врачей лагеря ответил мне, что Александр покончил жизнь самоубийством (всё это произошло примерно в марте 1952 г., т. е. когда ему ещё не исполнилось и 30 лет).

Вскоре после смерти Сталина мы, как и почти все бывшие политрепрессированные были реабилитированы, обвинения наши признаны несостоятельными. Сдав приёмные экзамены в Томский медицинский институт на 19 баллов из 20 возможных, я был принят студентом в 1956 г. и окончил его в 1962 г. с отличием. Так же, как и Александр, я был оставлен при институте, только на кафедре кожных и венерических болезней.

Всегда вспоминаю своего единственного, такого одарённого брата.

Младший брат – Борис, 8 августа 1997 г.

ОКСЁНОВ Борис Сергеевич

Родился 8 марта 1927 г. в Томске в семье врача. После 9 классов средней школы и подготовительного отделения в возрасте 16 лет поступил на энергетический факультет ТЭМИИТа (института инженеров железнодорожного транспорта) в 1945 г.

Во время сессии на 2-м курсе института, в июне 1945 г., был арестован, а в октябре осуждён (вместе со старшим братом) по ст. 58-10 ч. 2 на 7 лет ИТЛ (исправительных лагерей). Расшифровка статьи – «За пропаганду и агитацию против Советской власти». Действительно, я и старший брат с некоторыми из школьных товарищей вели разговоры о том, что Сталин – диктатор, Верховный Совет ничего не решает, только всегда поднимает руки при голосовании, выборы – пустая формальность, ибо кандидат – всегда один, и все боятся голосовать против, в стране – массовые репрессии тех, кто хоть в чём-то не согласен с проводимой политикой, что колхозники – бесправны. (Я и те-

перь придерживаюсь того же мнения о тех временах, хотя и ныне хвататься нечем, но это – другой вопрос.)

В 1945 г. таких массовых репрессий, как в 1937-38 г.г., конечно, не было, но всё же политзаключённых было немало. Среди них значительный процент составляли военнопленные, которые чудом остались в живых после концлагерей в Германии. Мне в камеру толкнули и, например, профессора А. Г. Ширвиндта, которому я за 2 недели до ареста сдавал марксистскую философию. (Он был из эвакуированного в Томск Московского института, так что не исключено, что известный ныне артист с той же фамилией – его родственник.)

Отбывали мы с братом срок на Дальнем Востоке, на строительстве железной дороги Комсомольск-Совгавань. Выполняли тяжёлую физическую работу, спали на нарах, питание было плохое, так что многие отекали и умирали. Нас тоже ждала такая же участь, но старшему брату удалось через некоторое время устроиться врачом в лагерную больницу. Потом и меня туда переправили, и с мая 1947 г., благодаря врачу-хирургу Васо Кулулашвили (тоже заключённому), я начал работать медбратом. Работал в разных отделениях больницы, приобрёл определённые навыки и получил некое удостоверение в том, что могу работать средним медработником. В лагере политические заключённые и отъявленные уголовники были вместе.

В августе 1951 г. в г. Ванино был освобождён из лагеря и этапирован (как тогда практиковалось) через тюрьмы Хабаровска, Иркутска и Красноярска в бессрочную ссылку, не предусмотренную приговором, в Енисейский район Красноярского края.

До марта 1952 г. работал на лесоповале в Енисейском леспромхозе на правом берегу (пос. Окунёво-Осыпь). Жили в бараке, где у каждого была только кровать и тумбочка. Получали, конечно, гроши, а работали целый день на морозе (активированным считался лишь день с температурой ниже 42 градусов Цельсия).

11 марта 1952 г., благодаря вышеупомянутой справке о том, что я могу работать средним медработником, заведующий Енисейским райздравотделом Марк Яковлевич Мошкович – человек вообще мягкий и доброжелательный – принял меня на должность зав. фельдшерско-акушерским пунктом Окунёво, а затем Зырянки Енисейского района. Там я был единственным медиком, поэтому лечил взрослых и детей, принимал роды, удалял зубы, проводил прививки и т. д. Трудностей всех не опишешь, но они усугублялись тем, что я как ссыльный

должен был каждый раз брать разрешение у коменданта в Зырянке на поездку на левый берег, когда мне надо было закупить медикаменты в г. Енисейске. Переправляться через Енисей было сопряжено с опасностью: ниже впадения Ангары река ещё мощнее, переправлялись мы в лодке на вёслах, а проходящие суда вызывали такие большие волны, что одна из больших лодок пошла на дно вместе с людьми (только одна женщина выплыла).

С апреля 1954 г. по июнь 1956 г. я работал фельдшером скорой помощи при Енисейской райбольнице (самостоятельно, без врачей). В 1955-56 г. окончил 10-й класс Школы рабочей молодёжи и получил аттестат зрелости.

Таким образом, в **Красноярском крае** я:

1. Впервые стал выполнять ответственную самостоятельную медицинскую работу (на участке на правом берегу Енисея – Зырянка, Окунёво, Заледеево, Потапово и небольшие лесопункты, а также в «Скорой помощи»).
2. Получил аттестат зрелости, давший мне право попытаться поступить в институт.

Находясь в ссылке, я попытался поступить в Красноярский мединститут и получил даже оттуда программу для поступающих (за что я благодарен), но ссыльные не имели никуда права выезжать за пределы ссылки, даже хоть на час на левый берег Енисея и то требовалось разрешение коменданта; а так как заочного обучения в мединститутах нет, то ничего у меня не получилось.

В апреле 1956 г. я был освобождён из ссылки (после смерти Сталина постепенно освободили всех) и в 1956 г. поступил на лечебный факультет Томского медицинского института, набрав на экзаменах 19 баллов из 20 возможных (за сочинение получил 4). В 1962 г. закончил институт с отличием и был принят в ординатуру на кафедру дерматовенерологии. По окончании аспирантуры представил и защитил в 1967 г. кандидатскую диссертацию на тему: «Некоторые показатели неспецифической иммунологической реактивности при красной волчанке».

С 1967 г. по настоящее время работаю ассистентом кафедры дерматовенерологии Томского медицинского института (в последние годы – Сибирского Государственного медицинского университета – СГМУ). Опубликовано более 60 работ по различным вопросам практической дерматовенерологии: микозам стоп, красной волчанке, го-

нореи, псориазе, склеродермии, опоясывающем лишае, очаговом облысении, токсикодермии, саркоидозе, красном плоском лишае, пиодермии, рубцующем пемфигоиде, пузырьчатке, применения литовита и некоторых других БАД при ряде дерматозов, а также по учебно-методическим вопросам. Будучи на протяжении многих лет заведующим клиникой кожных и венерических болезней СГМУ, ежедневно консультируя больных, направляемых из различных ЛПУ города и области, я, естественно, совершенствовал и до сих пор совершенствую свои знания в диагностике и лечении дерматозов. В этом главный интерес моей сегодняшней профессиональной деятельности.

НАША СЕМЬЯ. ГОДЫ ДЕТСТВА. НАШ ДОМ.

Родился я 8 марта 1927 г. в Томске. Наша семья проживала в деревянном доме, который и поныне стоит и числится под № 78 на Красноармейской улице. Этот дом принадлежал когда-то моему отцу, но в 1933 г. его, по совету знакомого адвоката, передали государству в качестве подарка, и даже все последующие годы мы платили за квартиру в этом доме. Это было сделано потому, что к «частникам» постоянно придирались, обязывали убирать навоз от проезжающих по улице лошадей, ремонтировать тротуары и печи, вывозить содержимое выгребной ямы (туалета при доме), чистить кюветы для стока дождевой и весенней воды, которые тянулись вдоль всех тротуаров; однажды даже 6 рабочих (*нанятых?*) искали повреждения водопровода, проведя большие земляные раскопки вручную. Штрафы брали за каждый пустяк, за любую даже чистую бумажку, например, «голубок» или «стрелку», которые мы, ребяташки, любили пускать во дворе. Одним словом, хлопот и затрат было много, дело доходило до материнских слёз, а оплата с немногочисленных жильцов была мизерной, так что дом стал непосильным бременем для семьи. Но город отказывался его брать, ссылаясь на то, что хозяева его – не «лишенцы», т. е. не классовые враги, а обычные граждане, представители интеллигенции. Такова была политика государства, политика давления на «частника», создания издевательских условий для владельцев домов, чтобы вынудить их расстаться со своей недвижимостью. (Надо сказать, что владение домом в прежние времена было нормой.)

Наша семья состояла из 4-х человек: родителей и двух сыновей. Отец был прекрасным семьянином, обеспечивал нас для того времени неплохо, заботился о воспитании своих сыновей, стремился к тому, чтобы мы стали культурными и всесторонне развитыми людьми. Он купил пианино и рояль (сыновей то двое), сочинения основных русских писателей и поэтов, набор живописи, хотя всё это было в те времена почти недоступно, много прекрасных нот для фортепиано. Отец сам немного играл на гитаре и любил петь в узком кругу.

Мать – Зинаида Васильевна – тоже коренная сибирячка. Родилась она вблизи Барнаула, её отец был лесничим, т. е. чиновником, продававшим крестьянам и другим жителям государственный лес для различных хозяйственных нужд. Мать приехала в Томск после окончания гимназии с целью получения высшего образования. Она закончила 2 курса медицинского факультета, но вынуждена была оставить учёбу после замужества и рождения двух сыновей. (Тогда ведь не было детских яслей и садов, и мать не могла оставлять детей ради учёбы.) Мать была домохозяйкой, она держала дом, ведала всем нашим бытом, варила и жарила, стирала и мыла и воспитывала двух мальчишек. Мать отличалась здравым реалистическим умом, именно она, между прочим, после моего освобождения из ссылки, верила в реальность получения мною высшего образования, когда все окружающие считали, что с моей биографией это невозможно.

Родители жили дружно. Я не помню, чтобы между ними были когда-либо ссоры. И отец, и мать были очень добрыми людьми, нас с братом они практически никогда не били, да и ругали редко, когда уж действительно было необходимо. Знакомые и друзья родителей не все имели высшее образование, но все были порядочными людьми. Они не допускали в свой круг людей недостойного поведения. Родители никогда не говорили плохо о своих знакомых, а если кто совершал что-то сомнительное, то контакты с таким человеком прекращались. На столе никогда не было водки или других крепких напитков, пили рюмочками только слабые наливки, вроде черносмородиновой и ей подобных.

Мой старший брат Александр доставлял родителям больше хлопот, чем я, из-за его активности и фантазий. Он был большим выдумщиком, больше, чем я, просил у родителей что-нибудь купить. В частности, купили ему набор печатных букв, которые вставлялись в специальную пластину, так что, набрав какой-то текст, его можно бы-

ло отпечатать. Это потом послужило основанием для работников НКГБ усмотреть намерение распространять какие-то возможные антисоветские материалы. В младших классах брат учился неважно, затем подтянулся и закончил школу с отличием. Поступив в медицинский институт, он глубоко увлёкся наукой, закончил институт с отличием и был принят в аспирантуру на кафедру патологической анатомии. Кроме того, увлекался иностранными языками. Так, он почти на равных разговаривал по-английски с одной из наших знакомых студенток, обучающейся в пединституте на факультете иностранных языков, а в день её рождения подарил посвящённое ей своё стихотворение на английском языке. Неплохо владел он и немецким, в меньшей степени французским, проявлял интерес и к эсперанто. В студенческие годы он стал много тренироваться в игре на пианино по нотам и стал уже неплохо играть относительно сложные произведения. У него была способность и писать стихи: он быстро мог сочинить что-нибудь на злобу дня, не придавая особого значения этому своему умению.

В нашем доме проживал также дядя по отцовской линии – Владимир Степанович с женой, инженер-химик, а во флигеле во дворе – тётя – Наталья Степановна с внуком.

Значительный участок двора был занят садом, где цвели ландыши, львиный зев, анютины глазки, георгины и другие цветы, а по краям сада яблони, черёмуха и другие деревья. Под ними стоял стол, на котором летом проводилось в отдельные дни чаепитие за самоваром. Как и другие ребята того времени, мы играли в городки, примитивный теннис, прятки, сыщики-разбойники. После того, как заборы между дворами при переходе домов в государственное управление были почти все ликвидированы, за сараем нашего дома открылась большая роща, занимавшая чуть не целый квартал, где росли большие деревья: берёзы, хвойные, черёмуха и другие. Роща была настолько густой, что практически не просматривалась. Поэтому нам, ребятам, было раздолье для игр, а осенью иногда мы засыпали себя листьями. Зимой во дворе делали катушку для санок, в больших сугробах выкапывали ходы, куда забирались с товарищами. Катались и на коньках, и на лыжах по улицам города. Весной были другие развлечения: копали во дворе канавы для отвода внешней воды от дома, а вдоль уличных тротуаров чистили кюветы и пробивали путь воде под мостиками. На проезжей части по булыжной мостовой тоже текли ручьи, и мы любили устраивать запруды, так как машины были ред-

ки, и наши запруды успевали накапливать большое количество воды до следующей машины.

Наш дом был деревянным (как и почти все дома в Томске в те времена), на каменном фундаменте. Двор был отгорожен, как тогда было принято, со всех сторон забором и воротами. Из дома было два выхода – во двор и на улицу. Располагался он (да и теперь пока стоит напротив «Желябинских» домов с башенками) посередине между улицами Герцена и Карташова.

Отопление было печным, сначала дровяным, а потом – частично – угольным. Конечно же, топка печей отнимала массу времени, печи нередко дымили, сажа летела на стены и потолок. Больше всего доставалось матери, хотя, когда мы подросли, тоже помогали. Когда привозили уголь, мы с братом забрасывали его лопатами в наш сарай. Потом – доставка угля в квартиру, вынос золы – обычная технология такого отопления.

В доме была и «русская печь», на которой прекрасно чувствовало себя кошачье семейство. Помимо приготовления обычной еды мать пекла иногда пироги (с мясом, луком-яйцами, капустой, морковью, рыбой), а также сладкие пышные булочки. Это были наши любимые лакомства. Ещё в старинном толстом чугуне готовилось мясо с картошкой. Картошка при этом покрывалась поджаренной корочкой, а мясо было чрезвычайно вкусным. Варились и варенья. Я особенно любил пенку от варенья.

Г О Р О Д

По переписи 1939 г. в Томске проживала 141 тысяча жителей. Территория его также была значительно меньшей.

В районе Лагерного сада не было только 10-го корпуса ТПУ и других его зданий. Госпитальные клиники и ликёро-водочный завод (ныне – Гостиный двор) были построены до революции. Существовали кирпичные здания Южного городка (казармы) – теперь это часть территории инструментального завода. Угол Красноармейской и Усова называли «Выезд». Здесь действительно кончался город и начиналась пыльная грунтовая дорога, идущая в направлении современной Красноармейской к переезду. На месте «Контура» располагалось кладбище, отгороженное стеной, воротами, с хорошо распланиро-

ванными аллеями. С другой стороны дороги располагался ипподром с трибунами. Крайними в восточном направлении в районе Кирова-Усова были – Епархиальное училище (ныне Военно-медицинский факультет), а также одно небольшое кирпичное здание, часть современного электротехнического завода. Между городом и железнодорожным вокзалом был пустырь, а дорога по нему шла дугой, подходя к вокзалу параллельно его длиннику. На востоке город заканчивался Казанской улицей (ныне – Комсомольский проспект), но на ней было всего несколько деревянных домов. На месте ГРЭС-2 и всего жилого района располагался совхоз «Агрокультура», в котором были прекрасные аллеи ягодников, овощей, ранета. (Я немного во время войны собирал там малину и потому лицезрел богатство совхоза.) Посёлок железнодорожников Томск-2 был отделён от города пустырьём. За железной дорогой у Томска-2 города вообще не было. Посёлок Черемошники был также отделён от города.

Дома в городе были на 90% деревянные, одно- или двухэтажные. За всё время от Революции до войны было построено всего несколько кирпичных зданий: Дом железнодорожника (теперь в нём «Пассаж»), главный корпус ТГАСУ, небольшой учебный корпус мединститута на углу Белинского и Кирова, элеватор и ещё пара зданий.

Теплофикации и канализации практически не было, ни у кого не было ванн. Во многих домах был только водопровод, остальные обходились колодцами.

Асфальтированных улиц не было, основные магистрали (Ленина, Кирова, Фрунзе, Красноармейская и др.) были покрыты булыжной мостовой. Булыжники были, конечно, крепки, они выдержали бы сотни лет, но трясло на них немилосердно. Тротуары были деревянные, но после ликвидации частных владений они быстро пришли в негодность, и легко можно было увязнуть в расщелине между досками, завязнуть в провале и получить травму ноги. Особенно опасно было хождение в темноте, тем более что большинство улиц вечерами погружались во мрак.

Старые, нередко красивые, с резьбой, заборы и ворота, как только не стало «частников», быстро приходили в негодность, разрушались.

Городского транспорта практически не было. В зачаточном состоянии находилось автобусное сообщение, так что, например, моему отцу, в пожилом уже возрасте, приходилось пешком ежедневно ходить

на работу в железнодорожную поликлинику у Томска-2 из нашего дома по Красноармейской.

Похоронные процессии были пешие. По нашей Красноармейской за день их проходило несколько. Нередко музыканты исполняли похоронный марш, так что одна наша знакомая говорила: «Встанешь утром в хорошем настроении, а как услышишь похоронный марш, так вспомнишь о бренности существования и становится грустно». Процессии эти перекрывали улицу и за ней скапливались не имеющие к похоронам никакого отношения.

Так как гужевого транспорта было много (особенно из деревень), то на улицах накапливалось изрядное количество навоза, который потом надо было собирать и вывозить. Наша Красноармейская как проезжая магистральная улица была одной из таких «навозных» улиц.

Вывозка нечистот из туалетов проводилась ассенизаторами путём извлечения из погребных ям черпаками на длинных ручках и перенесения «добра» в бочки. Затем караван из бочек в сопровождении ассенизаторов, которые сидели тут же сбоку, не спеша двигался по городу, распространяя соответствующий «аромат». (В нашем доме было такое удобство: из кухни была дверь в туалет, неотапливаемый, и все продукты физиологических отправок падали в погребную яму.) При перевозке бочек, которые брызгали, ассенизаторы тоже получали свою долю содержимого бочек.

Многие улицы (грунтовые) осенью и весной, а также после дождей, утопали в грязи. Поскольку я учился в 10-й школе, где теперь плавательный бассейн, мне приходилось ежедневно месить грязь по улице Герцена – одной из грязнейших.

Мост через Ушайку по Ленина был деревянным, и при ледоходе (а тогда на Ушайке бывал настоящий ледоход) большие льдины лезли на конструкции моста, нередко вытаскивая из него отдельные брёвна. При этом всегда собирались любопытные, комментируя происходящее и смакуя какое-нибудь ЧП. Иногда милиция даже перекрывала движение транспорта. Мостов через Томь и Обь не было, в каком-то году установили понтонный мост, а до этого ходил паром.

Аэропорт находился на Каштаке, он был земляной, и могли прилетать в город только самые маленькие самолёты.

ИСТОКИ НАШЕГО КРИТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ВЛАСТИ

Положением в стране и международными событиями я начал интересоваться очень рано. В 1934 г., когда мне было 7 лет и я учился во 2 классе начальной школы № 29 (на углу Красноармейской и Карташова), нас, школьников, построили на «линейку» в коридоре и объявили об убийстве Кирова «врагами народа». Потом были громкие «троцкистские» процессы 1936 и 1938 г.г., на которых известные государственные деятели уличались как иностранные шпионы. Их предавали «анафеме», народ на митингах требовал «раздавить гадину». Газеты писали подробно об этих судах, и я их читал с интересом, хотя не всему и верил. Регулярно читал я газеты со времени агрессии Италии в Абиссинии (1935 г.) и гражданской войны в Испании, не говоря уже об агрессии гитлеровской Германии в отношении Австрии, Чехословакии, Польши.

С другой стороны, слушали мы с братом и воспоминания наших родителей и их знакомых о дореволюционном времени. Они говорили, какое внимание уделялось покупателям в магазинах, о низких ценах на продукты, о том, что рыба на рынке мерилась «пехлом», т. е. большой лопатой, килограммов тогда не знали; яблоки продавались ведрами. Мы также видели, что Томск практически до войны не строился, тогда как в конце XIX и начале XX века, то есть довольно быстро, было построено большинство жилых домов города. Мы с братом прекрасно понимали, что выборы в Верховный Совет были фикцией, ибо по каждому округу выдвигался лишь один кандидат, т. е. выбора не было, а не прийти на выборы или проголосовать против кандидата считалось антисоветским поступком со всеми вытекающими из этого последствиями. Особенно после 1937 года, когда были продемонстрированы массовые репрессии простых, ни в чём не повинных людей, никто не хотел подвергать себя смертельному риску. Мы также видели, что Сталин является неограниченным диктатором, а Верховный Совет, собираясь в Москве раза 2 в год, дня на 3, только чисто формально «решает» различные вопросы, всегда единогласно голосует «за». Мы знали, что колхозники бесправны, не имеют даже паспортов и получают чисто символическую зарплату, поддерживая себя только своим личным хозяйством. Мы знали, что провозглашённая в Конституции «свобода слов, манифестаций, демонстраций» – обман: можно

было только хвалить действия властей и выходить на демонстрацию только в определённые властями дни и нести портреты вождей и транспаранты, одобряющие и восхваляющие решения Партии и правительства. Иногда мы обсуждали эти вопросы с узким кругом самых близких школьных товарищей.

Хотя наших родственников не коснулись репрессии 1937 и других годов, но мы слышали, как по ночам арестовывались и исчезали навсегда вроде бы порядочные люди, не замеченные ранее в каких-либо неблагоприятных поступках. Конечно, люди могли не знать тайную деятельность их, но уж слишком много было таких людей, причём они были совершенно рядовыми, не занимавшими значительные посты. Об этом вслух не говорили, об этом не писали, и поэтому все находились в состоянии ожидания возможного ареста... Известный врач-инфекционист Сибирцев (именем которого названа инфекционная больница) как-то спросил у моего отца (они были знакомы), подготовился ли, мол, ты к аресту (он уже подготовку провёл).

У нас, ребят, возникал вопрос, почему нельзя съездить за границу. Если там так плохо живут, пусть советские люди убедились бы в этом и возрадовались, что они живут в Советской стране. Да и нам в перспективе хотелось посмотреть мир, но железный занавес намертво закрывал такую возможность.

Вот примерно те вопросы, которые мы, старшеклассники, обсуждали иногда между собой – конечно же, секретно. Ни о каких листовках или иной печатной продукции, или выступлениях мы и не думали, понимая, что это строго запрещено и за это не поздоровится. Просто мы обменивались мнениями.

Эти вопросы и легли в основу наших обвинений после ареста. Они были расценены как «Пропаганда и агитация против Советской власти» – ст. 58-10, по которой мы и были осуждены.

АРЕСТ СТАРШЕГО БРАТА

9 мая 1945 года – День Победы – праздник «со слезами на глазах» весь Томск, как и вся страна, встречал радостно, хоть и с горчинкой. На площади Революции играли оркестры, незнакомые люди обнимались, целовались, танцевали. Мы тоже были на площади. День был яркий, солнечный.

А 17 мая, т. е. через 8 дней, я в благодушном настроении, ничего не подозревая, возвращался домой из ТЭМИИТа, где я заканчивал 2-й

курс. (Старший брат был аспирантом.) Подошёл к своему дому, поднялся на крыльцо и позвонил. Неожиданно дверь открыл мне молодой человек в КГБ-шной форме, а мать стояла на верху лестницы (мы жили на втором этаже) с мученическим видом. В молодом человеке я узнал Елуферьева Михаила, который учился на класс старше меня в той же 10-й школе. Он был очень красивым парнем, так что мать не удержалась и сказала: «Вы такой красивый, а чем занимаетесь?»

Пройдя в квартиру, я обнаружил ещё двух кэгэбэшников. Старшей была женщина лет тридцати, особенно рьяная. Она всё понуждала остальных тщательнее проводить обыск, даже послала Елуферьева перелопатить уголь в нашем сарае. Квартира вся была перевернута вверх дном. Личному обыску были подвергнуты все, включая аспирантку Афремову (она работала на одной кафедре с братом и зашла зачем-то к нам). Родители сидели бледные, с отрешёнными лицами.

При обыске изъяли документы брата, детский печатный станок, в который можно было вставлять несколько рядов букв, смазывать их чернилами и таким образом печатать весьма небольшой текст ещё в одном экземпляре. Была также взята большая подшивка еженедельного журнала «Нива» за 1913 -1917 г.г. В каждом таком журнале были вести с войны, встречи с союзниками, фотографии погибших офицеров и просто рассказы. Особенно кгб-шники ухватились за номер, посвящённый 300-летию Дома Романовых с цветными фотографиями всей семьи. Самой серьёзной оказалась находка маленького револьвера, из которого мы никогда не стреляли и который был привезён как сувенир аж с Первой Мировой войны, на фронтах которой отец работал врачом.

Когда уводили брата, у матери вырвалось: «До свиданья...», на что замначальника Томского НКГБ Волков отреагировал: «Я бы на вашем месте сказал – прощайте».

Потом начались для матери хождения к воротам тюрьмы, где в компании таких же несчастных родственников арестованных добивались приёма передач, унижаясь при этом, выпрашивая что-то принять и получить хоть какие-то сведения об арестантах. Излишне говорить, сколько стоило это нервов и времени (тюрьма располагалась, как и теперь, на ул. Пушкина, у сворота на Каштак).

Кафедра патологической анатомии пыталась защитить своего аспиранта, проявив при этом настоящее мужество, ибо всякая попытка

защиты хотя бы подозреваемого в политической неблагонадёжности могла стоять свободы защитнику.

Привожу точную копию послания в Томский НКГБ:

КАФЕДРА
ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО
ИНСТИТУТА им. МОЛОТОВА

12 ноября 1945 г.

С П Р А В К А

Врач Александр Сергеевич Оксёнов с отличием окончивший Томский Медицинский институт, начал работать в качестве аспиранта при кафедре патологической анатомии с 1. X. 44 г. Ещё будучи студентом, он проявил интерес к научной работе, участвуя в студенческом кружке. Этот интерес ярко выразился и во время аспирантуры. Оксёнов не только аккуратно и добросовестно относился к своей работе при кафедре в посещении лекций, вскрытий и практических занятий со студентами, но всегда на кафедральных конференциях, при обсуждении текущего материала, биопсий, обнаруживал инициативу, пытливость и критичность мысли в анализе и синтезе патологических процессов. Этому способствовало систематическое чтение литературы. Будучи основательно знакомым с английским языком, аспирант Оксёнов пополнял свои сведения ещё из английских источников, а также пользовался и немецкими. За короткий срок своей аспирантуры он значительно разработал данную тему из области онкологии, скоро вошёл в курс патологической анатомии и уже начал самостоятельно вести вскрытия и руководить групповыми практическими занятиями студентов.

Вообще как научный работник А. С. Оксёнов подавал большие надежды. В недалёком будущем из него мог бы выработаться энергичный и зрелый учёный с широким научным кругозором, владеющий современными разносторонними методами исследования.

Зав. каф. Проф.-доктор, орденоносец

В. Миролубов

Доцент при кафедре пат. анатомии

И.Торопцев

Но эти хлопоты, как и следовало ожидать, ничего не дали.

МОЙ АРЕСТ. ТЮРЬМА.

15 июня, т. е. почти через месяц после ареста старшего брата, пришли и за мной. Был проведён обыск, но после капитального ранее проведённого ничего существенного не нашли. Вели меня Елуферьев и другой кэгебэшник – просто пешком, до Управления НКГБ, которое находилось тогда в теперешнем главном корпусе ТГАСУ. Они хвалили 1937 год, когда было достаточно одного доноса, чтобы человека осудили на длительный срок.

Сразу я был препровождён к упомянутому ранее Волкову (замначальника УНКГБ), который, видимо, хотел меня сразу расколоть и хвалил Зилинга, который «так и режет, настоящий немецкий рыцарь». Альфред Зилинг был, видимо, особенно обозлён на власть, так как и отец, и дед были у него расстреляны. Он демонстративно называл себя «немцем», хотя на самом деле кровь у него была смешанной. Немецкого языка он не знал, но дома у него было целое войско оловянных солдатиков, которые имели свои воинские звания. Он знал персонально каждого и воспринимал их как настоящих немецких солдат и офицеров. Кроме того, он занимался «спартанским» самовоспитанием: клал под матрац камни, зимой одевался очень легко. Я никогда не разделял этих его увлечений. Иногда приходили из школы учителя, которых он встречал недружелюбно. Я был у него дома всего один или два раза, но по дороге домой из школы мы обменивались мнениями.

Вот такой человек был находкой для КГБ. Он в глаза говорил им всякие дерзости. Когда, например, его арестовывал Аарон Лев, то на его вопрос, какой вы национальности, он ответил: «У нас всякие национальности, кроме жидовской». А когда тётя, которая его воспитывала, заплакала, он сказал: «Перед кем ты плачешь? Перед этой сволочью? Жалко мне слёз твоих...»

Из кабинета Волкова меня доставили в тюрьму и поместили в камеру, рассчитанную на три человека. Наше небольшое кирпичное здание было окружено со всех сторон дополнительной стеной и воротами, так что выйти из него ещё не значило выйти из тюрьмы. Моя камера располагалась на втором этаже. Конечно, были железные двери с «глазком», в который в любой момент могли заглянуть дежур-

ные. Кровати были железные, никаких постельных принадлежностей не полагалось, так что я спал, подвернув рукав своей железнодорожной шинели под голову. Был также деревянный стол, а в углу – параша. Никаких металлических вещей не полагалось, даже у женщин отбирали какие-то пряжки и всё прочее. Столы и даже пол тёрли стеклом. Парашу выносили один или два раза в сутки (точно не помню). Спать полагалось с 11 вечера до 6 утра. Дежурным доставляло удовольствие стукнуть изо всей силы металлической палкой в металлическую дверь – звук был ужасный. Допросы были дневные и ночные. Если следователь был неудовлетворён показаниями обвиняемого, то он вызывал его каждую ночь, а днём дежурные не давали ему спать. Кормили, конечно, плохо, но пищу тюремную я всё же переносил. Помогали и передачи из дома. Передачи проверялись тщательнейшим образом, вплоть до протыкания помидоров...

В этой камере я сидел 2 месяца и даже чуть больше. Бывало, что был один, и довольно долго, бывало, что с двумя или с одним. Всего познакомила меня камера с тремя сидельцами.

Один из них – западный белорус, который служил в польской армии, попал в плен к немцам, а потом из лагеря на территории Франции присоединился к американцам и воевал против немцев, будучи автоматчиком на танке, прикрытый бронёй. Он много рассказывал о том, как американцы берегли своих людей. Во-первых, если только немцы начинают обстрел, то даже танки не идут, а начинается интенсивный артобстрел с целью подавления огневых точек. Затем идут танки, и автоматчики – на них, под бронёй. Воевали посменно, одни воюют, а другие отдыхают в недалёком тылу. Полагались рабочий и выходной костюмы. Те, кто был в ближнем тылу, преспокойно отдыхали, веселились, танцевали с француженками. Чуть ли не на двух человек полагалась легковушка. Давались таблетки для обеззараживания воды, нередко карта конкретной небольшой местности, чтобы можно было вернуться к своим.

Когда закончилась война, он, естественно, захотел на родину, но Западная Белоруссия вошла в состав СССР, поэтому через Одессу его и привезли. Однако, как ни странно, стали обвинять в измене Родины. Я удивлялся: как человека, никогда не бывшего гражданином СССР, можно обвинять в измене ему. Да и воевал то он против немцев – не против СССР. Правда, в КГБ всё было возможно. Потом, кажется, измену заменили на «Пропаганду и агитацию против Советской вла-

сти». Эту статью давали всем, которым другие статьи уж совсем не подходили. По ней человек получал 5-10 лет лагерей.

Другой сиделец – Неграмотнов – вполне оправдывал свою фамилию. Это был шахтёр из Донбасса, который на полусогнутых таскал вагонетки. Поскольку он был в плену, его стали допрашивать, как это он там выжил, чем занимался. Следователь стал его уговаривать, что он должен подтвердить, что у немцев подписывал какую-то «форму А (?)», так как там «все подписывали». Он согласился. Через некоторое время следователь пояснил, что было это обязательство выдавать евреев и коммунистов. «Да я не выдавал никого», – говорил Неграмотнов. «Да я знаю, что ты не выдавал, – говорил следователь, – но с меня требуют, иначе я от тебя не отстану. Но ты не бойся, это чистая формальность...» Потом следователь стал требовать указать, сколько всё-таки он выдал немцам людей, а затем потребовалось указать конкретные фамилии. «Я вспомнил несколько фамилий по плену и даже Донбассу...» И тогда его доставили в камеру. Честно говоря, я не очень поверил ему, стал спрашивать, что наверное какие-нибудь сотоварищи по плену были свидетелями его доносов. Он уверял, что нет, это только его выдумка в угоду следователю. Я сказал: «Да ты понимаешь, что тебе грозит! Это же «вышка». Раз это только клевета на себя, откажись немедленно от всех показаний, но уж стойко держись, может быть и бить будут, но ты не сдавайся». Он так и сделал. Его таскали день и ночь на допросы, не давали спать. Потом несколько дней не вызывали, и его следователь (видно, более порядочный, чем тот, кто вёл дело до ареста), постучав по его голове, сказал: «Дурак ты, дурак!» и порвал все старые его показания. В конце концов ему дали 5 лет лагерей по ст. 58-10... в какой-то мере я спас ему жизнь.

Третий сиделец был знакомым и неожиданным. В камеру втолкнули профессора марксистской философии Ширвиндта Александра Григорьевича, которому всего недели три назад я сдавал экзамен. Он был москвичом, приехал в Томск в составе эвакуированного аналогичного томскому МЭМИИТа – транспортного института. Поэтому преподаватели были у нас и томские, и московские. Мы с ним вдоволь наговорились на политические темы. Он был убеждённым коммунистом, не сомневался, что всё человечество пойдёт именно по этому пути... но его обвиняли в троцкизме, привезли какие-то старые записи его выступлений. Он был худой, страдал язвой желудка. Слышал я, что он так и умер в лагерях.

На допросы нас возили в Управление НКГБ (ныне главный корпус ТГАСУ). При выходе из тюремного здания нас подводили к одним воротам. Была целая процедура, чтоб ворота открылись: показывались какие-то документы, затем доходили до следующей стены, и там происходило то же самое, после чего уже оказывались за пределами тюрьмы. В здании НКГБ нас расставляли в углы помещения, лицом в угол. Конвоиры строго следили, чтобы мы не оглядывались, не видели друг друга. (Я во время следствия ни разу не видел брата.) Стояние в углу могло продолжаться и час, и более, а иногда вообще могли не вызвать на допрос. На допросе мы сидели на стуле далеко от следователя, который задавал вопросы и записывал ответы обвиняемого. Часть бумаг он рвал, а потом предлагал расписаться. Каких-либо физических воздействий по отношению ко мне не применялось. Допрашивали меня не очень много, потому что остальные 5 человек по нашему делу были арестованы раньше и дали показания.

Иногда на допрос заходили и другие следователи и начинали спрашивать о том или ином человеке. Я боялся кого-нибудь подставить. Спрашивали, например, про моего лучшего друга, и надо было не подать ни малейшего повода для вызова его. Ведь он не знал моих показаний, они могли его легко запутать, сослаться якобы на то, что я говорю о нём. Спрашивали и о соседях, и о знакомых (называли фамилии), но после меня никого не арестовали, т. е. через меня не удалось поживиться новой жертвой. А они, конечно, были им нужны – для оправдания собственного существования и получения чинов.

С У Д

5-6 октября состоялся суд. Нас привезли к современному зданию военкомата (угол Советской и Фрунзе). Хотя никакого отношения к Армии мы не имели, судили нас на закрытом заседании Военного трибунала Западно-Сибирского Военного округа (что-то вроде выездной сессии...). Люди были, по-моему, из Новосибирска. Председательствовал подполковник Павловский – маленький человечек, который от злости постоянно ёрзал на стуле. Конечно, судьи возмущались, какие мы мерзавцы. Как всегда вызывающе вёл себя Альфред Зилинг. Когда, например, судья сказал, что за границей большая безработица, он отреагировал: «А там безработные живут лучше, чем у нас рабо-

чие». Предлагалось даже дать ему высшую меру наказания, но решили, что достаточно «видеть его за решёткой».

Только на суде я узнал повод для нашего ареста. Оказывается, некий Баранов, бывший сотрудник КГБ, документально признанный психическим больным, стал предлагать Зилингу организовать восстание в Томске. Для этого где-то достали пару толовых шашек, а с помощью старых документов Баранов конфисковал у бывших школьников три мелкокалиберных винтовки (то ли учебные, то ли настоящие, похищенные в школах). Баранов предложил Зилингу назвать несколько человек, которые придут к начальнику гарнизона Томска и под угрозой оружия заставят его дать приказ о сдаче оружия... Ну и далее восстание пойдёт по восходящей. Зилинг назвал среди тех, кто готов принять в этом участие, нас с братом. Мы же понятия об этом не имели и, конечно бы, отвергли эту чушь. План был детским, крайне несерьёзным. Не сомневаюсь, что взрослые дяди из КГБ всё понимали, но им надо было ухватиться за это и раздуть дело.

Этот абсурдный план и послужил, видимо, основанием накидать нам целый ряд статей:

17-58-6 – «Соучастие в терроре» – из-за того, что мы могли между собой говорить, чтоб лучше Сталина не было.

19-58-2 – «Подготовка к восстанию».

58-10 часть 2 – «Пропаганда и агитация против Советской власти».

58-11 – «Групповое дело».

Наш защитник – опытный адвокат Кротов, который, как мы потом узнали, получил неплохие деньги от родителей подсудимых, но – пользуясь закрытостью заседания, костерил нас гораздо больше прокурора. Ни одного слова в защиту нас он не сказал. Он страшно боялся выразить малейшее сочувствие обвиняемым по политическим мотивам. Он говорил потом, что если бы они ограбили банк, убили бы несколько человек, то он бы добился смягчения приговора, а тут – бессилен.

Прокурор оказался лучше. Помимо снятых статей 17-58-8 и 19-52-2, он предложил снять и 58-11, так как не усматривал какой-то группы с распределением ролей... просто были, мол, разговоры, но определённой цели, где каждому отводилось своё место, не было.

Осудили нас так: старшему брату и Зилингу – по 10 лет лагерей. Мне – 7, другим не помню, да я их и не знал.

Закрытость заседаний политических процессов, по моему глубокому убеждению, объяснялась тем, что если бы народ присутствовал в зале, он хотя и промолчал бы (из-за боязни), но подумал бы: «А за что их судят?» Исключения составляли знаменитые троцкистско-бухаринские процессы, но там была проведена особая подготовка подсудимых и демонстрация для иностранцев.

После суда нас перевели в общую камеру, где мы были недолго.

ПЕРВЫЙ ЭТАП

Вскоре после суда нас присоединили к каким-то зэкам из колонии и повели к вокзалу Томск- I. Вся процессия была окружена конвоирами и собаками, и перед движением громко произносились такие главные слова: «Шаг влево, шаг вправо, прыжок вверх считаются попыткой к побегу и конвой без предупреждения применяет оружие».

Нас ввели в так называемые «столыпинские» вагоны, которые построены как купейные, т. е. с одной стороны коридор (для охраны), а купе отгорожены сплошной решёткой, и в них, конечно же, маленькие зарешечённые окошки. В купе сидели измождённые дорогой зэки, которых везли из Калининской и Смоленской областей. «Прелесть» столыпинских вагонов заключается, в частности, в том, что каждого зэка персонально сопровождают в туалет, а так как охране делать это неохота, то она этим занимается не более 3-х раз в сутки. Многие не выдерживают и выплёскивают мочу из банок в коридор, вызывая злобу, а то и ответные реакции конвоиров. Нашим попутчикам давали в пути нередко солёную рыбу, а питья давали мало. Одним словом, в товарняках всё же гораздо комфортнее.

Так как купе и так были укомплектованы, нас загоняли буквально замками и кулаками. Когда всех загнали, я подсчитал, что в нашем купе 33 (тридцать три) человека со своими скудными пожитками. Кто-то лёг под нижнюю полку, и считалось это место комфортным. Я вынужден был сесть на чьи-то колени, взяв к себе на колени свой мешок. «Путешественники» были ослаблены, их нигде не хотели принимать из-за этого. Не приняли их и в Асино, куда мы прибыли часов через пять.

В Асино нас поместили в какой-то неоштукатуренный барак. В колонии был приятный запах свежей древесины. Зэки занимались ле-

сопереработкой. Мы пробыли здесь всего 7-10 дней – находились на карантине. У входа в наш барак сидел какой-то старик, который намеревался к нам зайти: «Бытовик? – К ебеней матери!» Нас он в лицо ещё не успел запомнить и потому так спрашивал, чтобы нас не обворовали.

Запомнились ещё два момента: огромное количество клопов в бараке, которые не давали нам спать, и выступление самодеятельности, которая, видно, готовилась к Октябрьским праздникам. Я до этого представлял себе так, что в лагерях никаких весёлых и вообще художественных выступлений не бывает.

БОЛЬШОЙ ЭТАП

Из Асино нас погрузили в «телячий» – грузовой товарный вагон. В маленький вагон грузили человек 40, а в большой – 60. Нас поместили в маленький. В нём было два яруса нар с обеих сторон вагона. На верхних нарах с одной стороны расположилась «элита», всего человек шесть. Это были «урки», т. е. опытный криминал, татуированные. Они вели малопонятные для меня дискуссии: о том, кто имеет право называться «честным вором», что такое «воровская честь» и тому подобное. Я то всегда считал, что вор не может быть честным. Одно место у самого окна занимал мужчина лет 40, который держался обособленно, но чувствовалось, что воровская элита его уважает. Какие-то молодые парнишки проводили массаж туловища обитателям верхних нар. Никаких постельных принадлежностей, понятно, не было, каждый бросал на нары своё тряпье. Посреди вагона, у одной из его стен стояла параша, т. е. бочка средних размеров. Когда возникала потребность сходить «по-большому», приходилось на виду у всего вагона восседать на этой бочке. Картина эта всегда была неприятной для всех. «По-маленькому» ходили в наклонный жёлоб, который мочу отправлял на землю. Не помню, чем нас кормили, но с голоду мы не померли.

Нам никто не сказал, куда мы едем, да и родители не знали. Но мы (верхняя полка), заглядывая в маленькое окошечко, ориентировались, где мы находимся, и понимали, что нас везут на восток. Всего путешествие заняло 22 или 24 дня.

Во второй половине путешествия начались ночные проверки. Это было откровенное издевательство. Оно заключалось в том, что охрана

с фонарём входила в вагон и перегоняла всех в одну сторону. Палками проверяли, нет ли проломов в полу. Затем то же самое проводилось и с другой стороны вагона. Когда мы шли в обратном направлении, нас пересчитывали, слегка ударяя палками. Затем охранники уходили, оставляя нас в полной темноте и с разбросанными, перебуровленными личными вещами. Мы наощупь пытались определить, где наши вещи и где наше место. Что-то находили, а что-то и нет. После этого трудно было спокойно уснуть. Люди толкались, задевали друг друга. Такие проверки проходили примерно через день.

Примерно в начале ноября мы прибыли на место.

ПЕРВЫЙ ЛАГЕРЬ

От станции, где нас высадили, и до колонии, куда нас вели, расстояние было небольшое, и нас повели пешком. Погода была слякотная, земля мокрая и грязная, снегодождь. Конечно, как всегда, была вокруг охрана и собаки. Пока дошли до «своей» колонии, нас не раз заставляли ложиться на мокрую и грязную землю. Когда мы добрались до цели, то увидели на воротах лагерной территории название – «Строгорезимная колония № 9». На воротах – вырезанный из дерева силуэт Кремля и надпись: «Добро пожаловать».

Нас расположили в одном из барачков на двухъярусные нары. С нашим этапом прибыло человек 400 или 700. В барак заходили явно криминальные личности, да и в нашем этапе они составляли немалый процент. Пожалуй, можно было выделить значительное количество бывших военнопленных, испытавших «прелести» немецких концлагерей и так «тепло» встреченных Родиной. Были прибалты, небольшое количество других политических. Остальные уголовники. Этапы с запада на восток прибывали очень часто. Их обычно называли по городам, где они формировались: например, Горьковский, Казанский и др. В основном их везли в бухту Ванино, откуда проводилась «трелёвка» на Колыму.

У нас была стройка «500», которая вела железную дорогу от Комсомольска-на-Амуре до Ванино. Вечерне дорога была уже готова, но оставалась балластировка пути и возведение необходимых подстанций. Мы с братом кидали лопатами на наклонную сетку гравий и мелкие фракции затем отвозили в машинах «ОСО – две ручки одно

колесо» по трапам из досок. Наш бригадир, опытный лагерник, чтоб бригада хоть что-то зарабатывала (при невыполнении норм могли срезать питание), завышал фиктивно объём работы: увеличивал длину «пробега» машин «ОСО» от места погрузки гравия до его выгрузки, а то и просто разрешал сыпать гравий мимо сетки... Вообще, приписки были везде, ибо говорили: «Без туфты и аммонала не было бы и Беломорканала». Между прочим, такие словечки как «филон», «туфта», «беспредел» и многие другие я впервые услышал именно в лагере, а потом они распространились в «вольный» мир. Однажды мне выпала работа очень тяжёлая: мы бетонировали фундамент подстанции, подвозили тачки с бетоном и разгружали их в опалубки. Опасаясь, что бетон «схватится», работу нельзя было прекращать, поэтому работали с утра до позднего вечера, точнее – до ночи. Один из работяг от слабости упал в бетонизируемую опалубку вместе с тачкой. А когда нам к ночи привезли даже вкусную пищу (кажется, котлеты и ещё что-то), то нам совсем не хотелось есть.

Просыпаясь утром и чувствуя ломоту и слабость во всём теле, думалось, что вот сегодня я на работу не смогу пойти, но потом – встав и позавтракав – опять шёл к «разводу» у проходной. Икры стали у меня твёрдыми с мелкими кровоизлияниями. Я тогда не знал, что это – цынга. На территории лагеря стояла бочка с хвоей, кружкой на цепи и надписью: «Пейте хвою, не будете болеть цынгой». Но это мало помогало. Лагерь стоял в пустынной местности (в районе Сихоте-Алиня), а на всём протяжении строящейся дороги не было ни одной деревни, никаких огородов. Поэтому свежих овощей, не говоря уже о фруктах, мы не видели. Была сушёная картошка, капуста, а ещё гаолян – видимо, из Манчжурии – крупа, похожая внешне на гречку, но какая-то безвкусная и ненаваристая. Ещё была мелкая плохая рыба. В отдельные дни – соя, сушёный яичный черепаший порошок. Авитоминоз проявлялся не только цынгой. Помнится картина, когда зэк вёл под руку конвоира, потому что тот переходил по железнодорожному мосту через речку, а между шпалами были провалы, и можно было упасть в реку. Этот конвоир в сумерках плохо видел – «куриная слепота», следствие дефицита витаминов группы В.

Многие зэки «доходили», слабели и попадали в ОП (отдыхающую палатку), затем в ОК (отдыхающую команду), а потом – умирали. Поэтому было выражение: «ОП, ОК, а затем на ногу бирку и – пока...» Бирку весили на большой палец ноги.

Бывает, что какой-нибудь совершенно незначительный момент в дальнейшем оказывается влияющим на всю последующую жизнь. Вскоре после нашего приезда вошёл в барак «лекпом» нашей колонии, Иван Романович (фамилии не помню), и громко спросил: «Есть ли в новом этапе врач?» Мой старший брат откликнулся, и Иван Романович пригласил его к себе, «проэкзаменовал» и пообещал через некоторое время отправить его в больницу в качестве больного, а там уж, мол, он пусть постарается закрепиться врачом. Так и произошло, и мой брат стал работать терапевтом и патологоанатомом в больнице «СООЛУ». Иван Романович тоже был зэком, сидел уже 19 лет, называл себя «битым фрайером», никого не боялся. Он пообещал и меня таким же образом отправить в больницу. Однажды ко мне подошёл незнакомый парень и предложил продать какие-то мои вещи и разделить деньги пополам, а иначе он обещал стукнуть начальству – и тогда своего брата я не увижу «как своих ушей». Я испугался, что подведу Ивана Романовича, и сказал ему об этом. Он ответил: «Ты только назови его фамилию, и он будет иметь бледный вид, макаронную походку и редкие зубы... Я дам ему освобождение только когда мне его на носилках принесут». Я об этом сказал парню, и он сразу отстал.

В БОЛЬНИЦЕ

Через некоторое время и я попал в больницу. Работал банщиком (колол и таскал дрова) и селектористом, т. е. сидел на телефоне, обеспечивающем связь между колониями и строительными подразделениями. При сокращении персонала я не удержался, но вскоре меня повторно направили в больницу, и на этот раз я закрепился. Большую роль сыграл здесь хирург Васо Кулулашвили, который как-то сказал: «Не я буду, если и из другого Оксёнова не сделаю медика!» Он был очень властным, пользовался большим авторитетом, что, впрочем, и не удивительно, так как «вольных» врачей практически на всём протяжении стройки не было, и охрана и вольный персонал обращались к врачам-зэкам.

Так я стал медбратом и работал потом в разных отделениях больницы. Конечно, и брат мне помогал, и книги доступные я читал, набираясь знаний. Вообще, в больнице многие медбратья были не медиками, а студентами разных вузов. Они работали и анестезиоло-

гами, давали наркоз, ассистировали при операциях. Сказывалось общее развитие, эрудиция. Затем я прошёл трёхмесячные курсы при больнице и получил официальную справку, что имею право работать средним медицинским работником (эта справка помогла мне потом устроиться на должность фельдшера в ссылке).

Потом нас перебросили в центральную больницу «Даёмге» в Комсомольске-на-Амуре, в дальнейшем – в небольшую больницу «Акур». Во всех больницах жизнь как для медперсонала, так и для больных была несравненно лучше. Конечно, везде были свои особенности, но – несомненно, если бы мы с братом остались на общих работах в колонии, мы бы долго не протянули. А в больницах мы устраивали, например, шахматные турниры, соревновались в силовых упражнениях, была самодеятельность, которую приходили слушать и смотреть с «воли», так как среди зэков было немало культурных людей и даже настоящих артистов. На всём протяжении нашей стройки явно преобладали зэки, охрана так строго не конвоировала, а в Акуре начальник охраны часто писал бумагу на вахту, чтобы кого-нибудь отпустили за зону. И мы иные дни гуляли довольно далеко, как-то забирались на сопку (примерно метров 200 высотой), а там со всех сторон открывались другие сопки. Рыбачили на реке Тумнин (примерно 100 метров шириной, довольно быстрой). Рыбы там было много. Некоторые знакомились с женщинами из сельскохозяйственной колонии на полях.

ВАНИНО

Далее нас направили в посёлок (бухту) Ванино на берегу Тихого океана. В этом посёлке располагалась огромная пересылка, откуда в корабельных трюмах проводилась «трелёвка» на Колыму. Курсировало несколько кораблей до Магадана, в каждый из которых загоняли порядка 3000 зэков. Только за один год (точно не скажу какой) по данным УРЧ (учётно-распределительной части, где тоже работали зэки) было отправлено 172 тысячи человек. В другие года – того же порядка.

Пересылка имела 17 зон, разделённых даже мощёными улицами. При максимальной загрузке в них могло поместиться до 50 тысяч человек.

В самом уголовном мире различали:

«воров» (соблюдающих воровской закон);

«сук», которые изменили воровскому закону (сотрудничали с охраной, посылали кого-то на работу), настоящий же вор и сам обычно не работал, но во всяком случае других на работу посылать не должен. Могли быть и другие нарушения «закона»: отбирал «кровную пайку» у кого-то, не отдал долг и др. О суках воры говорили: за ним топор ходит, т. е. они должны были при всякой возможности убить суку; «беспредельщики», которые изменили и сукам. Учитывая весь этот антагонизм, уже при приходе этапа сразу сук отделяли от воров и помещали в разные зоны.

Я сам был свидетелем того, как воры намеревались убить суку. Кто-то из воров опознал его и группа воров на глазах у всех стала его преследовать. Спасаясь, он заскочил в запретную зону (7-метровая полоса, отгороженная колючей проволокой перед забором). Он сразу лёг, показывая, что бежать не собирается. Но воры стали провоцировать бойца на вышке, напоминая, что по уставу он должен стрелять. И он не сразу, но выстрелил, убив беднягу к великой радости воров.

Другой случай убийства суки был в больнице в Комсомольске. Тщедушный вор подкараулил здорового суку, когда тот спал, и ударил его ножом. Они были совершенно незнакомы, но вор получил сведения совсем из другого конца страны о том, что такой-то – сука, и следовательно подлежит уничтожению. В этом была сила организации воров (не в обычном житейском смысле) как всесоюзной организации, в которую принимали отнюдь не каждого. Незадолго до нашего приезда в Ванино, когда там в бане мылось человек 30 сук, а дверь была заперта и охранялась изнутри, в неё постучались, охранник открыл, и воры ворвались, перерезали почти всех сук.

Я в Ванино три раза в день раздавал лекарства. Подходили группы эков и кричали: «Мне от сердца!.. Мне от лёгких!.. Мне от желудка!.. Мне от суставов!.. и т. д.» Я подбирал подходящие препараты и давал им. Другим делал перевязки, кому-то инъекции препаратов. Многие болели цынгой, привезённой с Колымы. Приходилось неоднократно и группе урок вводить наркотики внутривенно, которые они сами доставали.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

В августе наступил срок моего освобождения. Я пробыл в лагерях немногим более шести лет, так как «зачёты» сокращали немного срок. Но я не получил паспорта, а только «временное удостоверение», которое констатировало моё освобождение, но не давало никаких прав. Меня должны были направить куда-то, я не мог остаться и в Ванино (для поддержки брата). Брат после освобождения подруги (фармацевта) и меня оставался один, а ему ещё оставалось отсидеть около трёх лет. Ссылка не была предусмотрена приговором, только какими-то ведомственными инструкциями, о которых теперь якобы не знают современные кбшники. Ссылали практически всех политических. В лагерь войти, хотя бы ненадолго, чтоб повидаться с братом, я тоже не мог. Я должен был дожидаться специально этапа, но никто не знал, когда это будет, надо было узнавать на вахте. Я заранее договорился с нашими лаборантами, что оставляю вещи у них и день-два у них переночую. От «освобождения» большой радости у меня не было: денег мало, документов настоящих нет. Дней через пять сказали: срочно с вещами быть у вахты, повезут, куда надо. Я заметался между квартирой, где оставил вещи и вахтой (это километра полтора). В конце концов я просто вынужден был среди бела дня, у всех на виду, забраться на второй этаж, выставить окно, достать свои вещи и прибежать задыхаясь к вахте... Но этап – отменили. После этого я с неделю шатался по общежитиям и полужнакомым, каждого как-то благодарил, но было очень тяжело. Когда таких бедолаг набралось шестеро, мы решились пойти в посёлок Уй, где было специальное помещение для освобождёвшихся. Одному туда идти было опасно: можно было всё потерять, мало ли кто освободился. Охраны там не было. Нам повезло: получали сухой паёк, готовили (среди нас оказалась одна женщина), рыбачили на маленькой речке, погода была летняя.

ССЫЛКА

Наконец отправился и наш этап. Нас поместили в одно купе «стольпинского» вагона. В остальных купе ехали обычные зэки. Везли нас через три тюрьмы: Хабаровскую, Иркутскую и Красноярскую. Ехали вместе с настоящими зэками. В Хабаровске мы пробыли всего не-

сколько часов, а в Иркутске дня три. В Красноярске, в тюрьме екатерининских времён на ул. Робеспьера, нас поместили в огромную палату-накопитель. Жили мы там дней 20, а когда нас стало примерно 200 человек, нас повезли на открытых грузовых машинах. Машин было семь, на каждой сидел охранник. Ехали с одной ночёвкой в Казачинском и прибыли в Енисейск, а оттуда – на правый берег Енисея, в леспромхозовские посёлки. Я попал в Окунёво-Осыпь (в 14-16 километрах от Енисея). Поместили нас в бараки. Каждому полагалась койка и тумбочка. Рукомойники с холодной водой висели в сенях, туалет был на улице, с несколькими «глазками». Вставали на работу рано, и в темноте туалета всегда была опасность влёпаться в чужое «добро». Ориентировались с помощью спичек и огоньков от папирос.

От посёлка до лесосеки было примерно 7 км. Были следующие виды транспорта:

1. В кузове грузовой машины. Люди заскакивали в кузов и садились рядами, начиная от кабины. Каждый вытягивал ноги, и на них садился следующий ряд. Рядов получалось примерно 4-5. Казалось бы «привилегированный» ряд у кабины страдал от того, что не мог пошевелиться, да и второй и третий ряды тоже страдали от этого, но в меньшей степени. Усугублялось дело для первого ряда тем, что в кузове, именно у кабины, всегда была куча газочурки – деревянных коротких обрезков, которые, попадая под копчик, особенно при тряске, причиняли большие страдания, так как переменить положение было практически невозможно.

2. Поездка на металлическом щите трелёвочного трактора «КТ-12». На этот щит (служащий для поднятия на него вершин сваленных деревьев) забиралось до 8-10 человек, нередко с топориками. Люди, располагаясь на коленях и боках и цепляясь за борт щита, старались на нём удержаться, так как щит был наклонным, а трактор часто менял скорости. Щит был, конечно же, очень холодным, что чувствовалось и через ватные штаны.

3. Самый комфортный вид транспорта – это, конечно же, большие тракторные сани, по краям которых были скамейки. Здесь молодежь, чтобы согреться, нередко устраивала свалку, особенно любили вытаскивать на

середину саней девушек. Были визг, борьба, хохот. Если бы кто-нибудь со стороны посмотрел, как в темноте (а утром было ещё темно) силуэты каких-то людей учиняют такую возню с шумом и криками, то наверняка принял бы их за ненормальных.

Бывало, впрочем, что ходили до лесосеки пешком.

Нельзя сказать, что мы могли сами выбрать транспорт: это уж в какой день как повезёт. Мне приходилось пользоваться всеми видами в разные дни. А возвращаться из лесосеки часто приходилось пешком, если к концу работы транспорта не было, а мороз подгонял.

Работал я как неквалифицированный лесник, либо кострожёгом, либо окапывал деревья почти до земли, чтобы как можно ниже могли их спилить.

Работа кострожёга заключалась в том, что надо было обрубить сучья сваленного дерева, подтащить их в кучу и сжечь, чтобы не было порубочных остатков. Здесь было занято немало народу, тащить большие сучья по глубокому снегу было нелегко, да не просто было и разжечь костёр. Рукавицы и валенки быстро изнашивались. После работы приходилось починять рукавицы.

Мне больше понравилось окапывание деревьев. Большой лопатой я должен был окопать каждое дерево, идя впереди вальщиков. Я был прикреплен к одной из бригад, которые работали быстро. За смену сваливали десятки деревьев, может быть, штук сорок. Приходилось работать непрерывно, без отдыха. Я сбрасывал телогрейку, работал в одном пиджаке. От вальщиков мне надо было немного оторваться, иначе сваленное дерево могло достичь и меня. Деревья полагалось валить в определённом направлении, но это было не так просто, так как они были наклонены в разные стороны. Деревья были большими, толстыми, утром, когда подымалось солнце, было очень красиво.

Однажды, без оглядки окапывая деревья, я услышал, что меня громко окликнули. Я увидел, что огромное дерево не послушалось падать в нужном направлении и медленно начинает валиться точно на меня. Девушка, работавшая даже дальше от дерева, вскрикнула, пыталась бежать, но из-за глубокого снега тут же упала. Бежать по снегу было невозможно. Даже просто переходить от дерева к дереву было трудно из-за глубины снега. Меня спасло хладнокровие. Я понял, что могу сделать один большой шаг в сторону от направления падения основного ствола, хотя, конечно, и большие ветки вполне

могли меня убить. Огромное дерево, подняв тучу снежной пыли, упало точно там, где только что стоял я. Пильщик и вальщик испугались, наверное, больше меня, они не могли произнести ни слова некоторое время. (Вальщик когда-то уже получал срок за такое непреднамеренное убийство, тем более он боялся «рецидива».)

Оптимальной температурой для работ в лесу считалось примерно от -10 до -30, а когда было -5, то валенки могли стать влажными. По закону активированным считали только день с температурой ниже -44 градусов, а до этого предела считалось, что работать можно, хотя были случаи и отморожения. Были, помню, такие дни, когда отправлялись в ночную смену при -42-х, а ночью температура опускалась до -46, и деваться было некуда (я тогда работал на раскряжовке древесины).

Проработал я в лесу одну зиму, а далее случилось так, что наша пожилая женщина, местный фельдшер, решила уволиться. И вот я с её заявлением и со своим заявлением отправился в Енисейский райздрав. Принявший меня заврайздрава Мошкович Марк Яковлевич подписал приказ о моём назначении, хотя мой документ о праве работы средним медработников, выданный в лагере, был в общем-то не очень убедительным.

Так началась моя медицинская деятельность в ссылке.

МОЯ РАБОТА В КАЧЕСТВЕ ФЕЛЬДШЕРА-АКУШЕРА

Мой участок охватывал ряд деревень и леспромхозовских посёлков: Потапово и Малышево – деревни, Зырянка, Заледеево, Окунёво-Осыпь, пос. Центральный и Средний – леспромхозовские. Население составляло до 2000 человек, в том числе 300 детей.

Трудности были такие:

1. Хотя я и работал в лагерях в разных стационарных отделениях, объём моих знаний всё же был не столь велик. Я ранее не имел опыта лечения детей, а они часто болели. Также я ни разу даже не видел, как протекают роды. Я их боялся и сначала ничего не понимал. Из дома родители прислали книги, в том числе по акушерству, и я старался даже между строк вникнуть детально во всё. Женщина кричит, а я не знаю, «нормально» ли она кричит или ей грозит разрыв матки. Роды приходилось принимать в избах, иногда там и ночевать. Помню,

например, как ночью пришёл мужик и позвал домой на роды. Придя домой, «папаша» свалился вдрызг пьяным и захрапел на полу. Мои попытки поднять его пинками не увенчались успехом. А в комнате была ещё маленькая девочка в люльке, которая плакала, и я одной рукой качал её. Больше не было никого. Затем всё же соседка принесла таз воды. У меня были всегда, когда я шёл на роды, ножницы, бинт, бутылёк спирта – вот и весь инструмент. Всего я принял за три года примерно 80 родов, и всё как-то проходило благополучно. Быстро я стал разбираться в положениях, предлежаниях плода и более или менее освоился. Был только один случай приращения последа, едва не закончившийся смертью.

2. Поскольку у меня был не один посёлок, мне приходилось мотаться по ним, а они располагались в 4, 7, 12 километрах и даже 14. Добираться до них приходилось по-разному: летом даже на велосипеде, верхом, на цыганской колымаге, пешком. Зимой могли дать лошадь, но это был обычно битюг, который возил тяжести, но шёл он всегда медленно, не торопясь, так что можно было замерзнуть. Был у меня тулуп, в морозы я его одевал. Иной раз вызывали из-за пустяка, а другой раз могли быть роды или тяжёлое заболевание. Медикаменты я носил с собой. Начинается как будто грипп, а из посёлка уходишь, и как болезнь развивается дальше, не знаю (только по телефону ещё можно было попытаться навести справки).

3. В любой час дня и ночи я был на посту, выходных не было.

4. Мы находились на правом берегу Енисея, а город Енисейск и сельсовет, где я получал деньги на медикаменты, – на левом. Катер в Енисейск ходил только по случаю какой-то оказии, нерегулярно, и редко на него приходилось попадать. Был переправщик, который перевозил на лодке на ту сторону Енисея, и от этого места надо было пройти пешком 1,5 километра до трассы Красноярск-Енисейск, где иногда удавалось сесть на попутную машину, однако чаще шёл пешком. Надо сказать, что мы жили ниже впадения Ангары в Енисей, потому ширина реки здесь достигала полутора-двух километров. По реке ходили большие пароходы, «Ракеты», волны от них бывали большими и могли потопить лодку. Незадолго до моего приезда большая перегруженная лодка пошла ко дну, и только одна женщина чудом спаслась. Переправщику молодые, в том числе и я, помогали грести. Сначала мы гребли вдоль берега против течения, подымались метров на 600, а потом под углом пересекали реку. При возвращении из го-

рода надеяться на катер не приходилось, и я шёл на переправу, где приходилось кричать, иногда долго, вызывая переправщика. Весной и осенью возникали дополнительные трудности. Как-то мне пришлось сломать замок на кабине коммутатора, чтоб соединиться с городом, но «скорая помощь» ответила, что обслуживает только город, и на 6-й километр трассы не поедет... Помог тогда ещё всеильный райком: мне надо было переправить больного на операцию. Весной дорога местами была гравийной (на трассе), а по Енисею – санной, да и река должна была вот-вот пойти... Всего не перескажешь.

5. На левый берег я мог попадать только с письменного разрешения коменданта, из-за чего приходилось делать крюк, с этим разрешением обращаться к коменданту в Енисейске, что осложняло процедуру.

В 1954 г. пришёл приказ райздрави о переводе меня в Каменный ключ – глухое, отдалённое от всех врачей место. Мотивировалось это тем, что я уже во всём разбираюсь неплохо и справляюсь. Но я отказался: меня как раз настраивал технорук обучиться на нормировщика или экономиста, которые получают в 3-4 раза больше и ночью спят спокойно. Занятия начинались в сентябре, и Мошкович предложил до этого времени поработать в «скорой», хотя бы до осени. Я согласился, снял комнату в доме напротив больницы.

РАБОТА В СКОРОЙ ПОМОЩИ г. ЕНИСЕЙСКА

В «скорой» я работал посменно и самостоятельно (без врачей). Работать приходилось и днём, и ночью. Ездил я на конской повозке, а возницей была то девочка лет 15-ти, то пожилой мужчина. Лошадь в перерывах между вызовами нередко распрягали, поэтому не сразу вызов обслуживался. Летом иногда я просто ездил на велосипеде, поэтому мальчишки меня знали и кричали: «Скорая едет! Скорая едет!» Ночью номера домов не освещались, поэтому мне приходилось вскакивать с повозки и чиркать спичкой. Как-то я полез по углу дома посмотреть номер и услышал, что кто-то вскочил с кровати, и я испугался – не пальнёт ли он в меня. Вскоре я примерно знал, какие номера где расположены, но точно номер каждого дома я знать не мог.

В скорой помощи была своя специфика, поэтому я глубоко изучил «Острые животы», диабетическую кому, гипертоническую бо-

лезнь и др. Конечно, оказывал помощь на дому, а по показаниям вёз больного в больницу. Привозил с аппендицитом, непроходимостью кишечника, разрывом беременной трубы. Диагноз ставил почти безошибочно. Были забавные случаи. Как-то привезли мужика, которого знала наша санитарка. У него был завал кишечника, и мы ему стали проводить сифонные клизмы. Он устряпал весь пол промывной жидкостью с капустой, и санитарка стала смеяться: «Обожрался капустой», а в это время он стоял без штанов и трусов. Вызывали как-то к погибшему от молнии. Его положили (видимо, с размаху) в выкопанную яму, и народу показалось, что он вздохнул. Мне пришлось их, к сожалению, разубеждать.

После смерти Сталина режим стал не таким строгим, постепенно стали освобождать от ссылки.

В 1955 году мне дали отпуск с правом съездить в Томск, к родителям. С вокзала Томск-1 я, конечно, шёл пешком, не торопясь. Смотрел по сторонам на свой родной город, в котором я не был 10 лет. Думал я, что теперь меня никто не знает и не узнает: было мне 18 при аресте, а теперь – 28 лет. Уже подходя к нашему дому, вдруг встретил Бориса Мельникова – нашего старого знакомого, проживавшего в Новосибирске. Мы сразу узнали друг друга. Он направлялся на вокзал, но я его завернул, и мы вместе пошли к нашему дому. Родители вообще-то знали, что я должен появиться, но когда точно – было им неизвестно. Мельников позвонил, мать открыла, немного удивилась его возвращению, а он сказал, что пришёл с Борисом. «А где же он?» Да вот, мол, за дверью. Трудно описывать ту встречу с родителями, но она была «исторической».

Вернувшись в Енисейск, я стал подумывать о возможности поступить в мединститут. Для этого я получил из дома выписку об окончании 9 классов (я ведь не заканчивал 10-й, а поступил через подготовительные курсы в ТЭММИТ, аттестата зрелости у меня не было). Кроме того, после 11 лет лагерей и ссылки и 13 лет отрыва от школы надо было восстанавливать школьный материал.

В 1956 г. меня освободили из ссылки, и я с аттестатом зрелости вернулся в Томск.

Соседи и некоторые знакомые советовали поступить куда-нибудь на завод с моей-то биографией и отрыва от школы. Только мать верила в мои возможности. Конкурс в мединститут был немалый, но я

сдал экзамены на 19 баллов из 20 возможных, т. е. абсолютно итог был проходным.

УЧЁБА В МЕДИЦИНСКОМ ИНСТИТУТЕ

Она проходила как у всех: занятия, зачёты, экзамены, ничего особенного, поэтому тут и описывать нечего. Я был старше сокурсников лет на 10 или 11, только единицы были близки к моему возрасту. В моей группе меня называли по имени-отчеству. Я сам чувствовал себя немного чужеродным, хотя взаимоотношения были хорошими. На курсе почти все были комсомольцами, а старшие – членами партии. Конечно, когда все оставались на комсомольские собрания, я шёл домой. На курсе никто не знал, что с меня не снята даже судимость, а тем более – я не реабилитирован. Многие девушки на курсе были милыми, славными, но смотрели на меня чуть ли не как на старика.

Я с родителями жил очень скромно: ведь отцу уже было 76 лет, а мать вообще не получала даже пенсии. Как бы то ни было, через 6 лет я получил диплом с отличием и мне было предложено три места для друдоустойства. Я выбрал кафедру дерматовенерологии.

РАБОТА НА КАФЕДРЕ ДЕРМАТОВЕНЕРОЛОГИИ

Началась она в 1962 году с ординатуры. Затем, через два года, меня зачислили в аспирантуру на 3 года, к окончанию которой я написал диссертацию, которую и завершил защитой, став в 1967 г. кандидатом медицинских наук. После чего стал работать ассистентом. Работу свою любил, как лечебную, так и преподавательскую. Одновременно повышал свою квалификацию через книги и само лечение больных. Четыре раза повышал свою квалификацию на ФПК – факультете повышения квалификации – в Москве, Ленинграде и Куйбышеве. Докторской диссертацией мне заниматься не хотелось: ведь кандидатом и ассистентом я стал уже в возрасте 40 лет. Мне хотелось глубже вникать в специальность. Написал я за всё время 65 научных статей, так как на кафедре полагалось заниматься наукой, но к ней меня особенно не тянуло.

Как клинициста в клиниках и университете меня ценили достаточно высоко. Администрация и профессора нередко направляли на консультации именно ко мне. Всего в клинике и на кафедре проработал я непрерывно 43 года. Если же считать весь мой стаж, то надо учесть, что официально пребывание в лагерях давало 3 года за один. Тогда получается: 6 лет \times 3 = 18, плюс 5 лет ссылки, итого – 43 + 18 + 5 = 66 лет (без учёбы в вузе).

Кончаю на этом свои воспоминания, свой «мемориальный труд»...

Борис ОКСЁНОВ

22 ноября 2005 г.

Нельзя не упомянуть своих жён, было их две. Женился я впервые, уже став кандидатом медицинских наук.

Первая – ОСТАПЧЕНКО Людмила Михайловна, была высококвалифицированным терапевтом, кандидатом медицинских наук, работала в факультетской терапевтической клинике. Она была очень скромной, высоко порядочной, ей, наверное, не хватало общительности, она была как бы скованной. Она – приёмная дочь проф. Пойзнера, отец её был расстрелян в сталинские времена. Она была под гнётом своей властной мамыши, которая нас постоянно стремилась рассорить. В ответ она могла только плакать. Но в общем прожили мы с ней неплохо 17 лет. Она умерла от рака лёгких, намучившись вдоволь.

Вторая – в девичестве Кустова, приняла мою фамилию и стала ОКСЁНОВОЙ Галиной Сергеевной. Она – моя сокурсница, и я её старше на 11 лет. Мы с ней по-настоящему познакомились при одной из встреч сокурсников, где я в неё влюбился, хоть и были мы уже немолодыми. Она контактная, весёлая, энергичная. С детства она увлекалась поэзией, читала стихи перед аудиторией, пела, участвовала в ансамблях. В Томске её талант расцвёл: общение с любителями поэзии и даже профессионалами высоко подняло качество её стихов. На сегодняшний день ею издано уже три сборника её стихов, многие стихи попали в другие издания. Мы с ней очень часто посещали концерты, театры, вели активный образ жизни. Я привёз её из Новокузнецка, где живут её сын Сергей и дочь – Лена. Они считают меня как бы своим отцом, отношения у нас хорошие.

Я желаю Гале здоровья и долголетия, и активного образа жизни и дальше...

Борис, 22. 11. 05.

=====
=====

***Приложение...

Р. С. Ф. С. Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

А Т Т Е С Т А Т

Настоящий аттестат выдан О К С Ё Н О В У Александру Сергеевичу, родившемуся в Томске в 1922 году, в том, что он обучался в восьмой средней школе г. Томска, Новосибирской области, окончил полный курс этой школы и обнаружил при отличном поведении следующие знания:

- по русскому языку – отлично
- по литературе – отлично
- по арифметике – отлично
- по алгебре – отлично
- по геометрии – отлично
- по тригонометрии – отлично
- по естествознанию – отлично
- по истории – отлично
- по конституции СССР – отлично
- по географии – отлично
- по физике – отлично
- по химии – отлично
- по геологии и минералогии – отлично

по иностранному языку (немецкий) – отлично

по рисованию – отлично

по черчению – отлично